

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя толпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношу в мечтах умильных, —

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаны
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваньи (2, 642—643)

В то же время, вне рамок «однодневного цикла» в Званке, поэт свободно размышляет о прошедшем, настоящем и будущем. Последние пятнадцать строф, одна четверть всего стихотворения, выражают суть этих размышлений.

В вышеупомянутой монографии «Развитие дарования одного поэта» П. Гарт предполагает, что эти строфы неадекватны и неуместны, потому что они резко меняют течение основной мысли произведения. Он пишет: «Если бы поэт вычеркнул последние 15 строф „Евгению“, оно (т. е. это стихотворение — А. М.) оказалось бы несомненным свидетельством постоянного увлечения стареющего Державина миром чувств... Наибольший из художественных недостатков стихотворения „Евгению“ коренится в невозможности Державина объединить различные мотивы и таким образом ввести новые идеи в свой общий замысел. Заключительное обращение к Евгению — просьба Державина о помощи в поисках бессмертия — разочаровывает и оставляет читателя в недоумении относительно общей идеи стихотворения»⁷

Нет сомнения, что тон этого произведения заметно меняется именно в последних пятнадцати строфах. По объему первых трех четвертей произведения почти все строфы включают в себя глаголы несовершенного вида, спрягаемые в настоящем времени. А потом, когда поэт размышляет о будущем в этой же последней части, строфы в основном включают в себя глаголы совершенного вида в будущем времени и, таким образом, указывают на одноразовые действия, которые производят окончательный результат. Но эти существенные изменения в тональности повествования несколько не нарушают логику стихотворения. Напротив, последние 15 строф поднимают многие вопросы, прямо связанные с темой времени и пространства, и не столь явные в начале стихотворения. Иные грамматические формы подчеркивают структурные особенности первой части стихотворения и выводят их на иной, более высокий уровень. Однако заключительная часть произведения

⁷ «Had the poet omitted the final fifteen stanzas of „To Eugene,“ it would stand as an unambiguous testament to the aging Derzhavin's consistent preoccupation with the world of the senses. The artistic flaw which damages „To Eugene“ results from Derzhavin's consistent inability to integrate his themes and thus produce new insights into his perception of the problem. The concluding appeal to Eugene to assist him in his quest for immortality is so distinctly anticlimactic (sic) as to leave the reader wondering about the poem's basic purpose» — Hart P. G. R. Derzhavin A Poet's Progress P. 131